

Опубликовано:

Вопросы культурологии. – 2015. – № 8. – С. 6-11.

© Лопатина Н.Л.

УДК 930.85

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

SOCIO-CULTURAL ROLE OF RUSSIAN FOLK SONG IN THE LIFE OF SOCIETY

Аннотация

Ссылаясь на свидетельства российских этнографов, литераторов, исследователей, иностранных путешественников автор рассматривает социокультурную роль русской народной песни. В статье особо обращено внимание на воспитательную и образовательную функции песни. Автор полагает, что русское песенное творчество свидетельствует о достойном духовном и материальном уровнях развития России. Делает вывод об исключительно важном значении песни в жизни общества.

Abstract

Referring to the evidence of Russian ethnographers, writers, researchers, foreign travelers the author examines the socio-cultural role of the Russian folk song. The article particularly drew attention to the educative and educational functions of the song. The author considers that Russian songs present high spiritual and material development of Russia. Concludes that the song is of exclusively importance for the society life.

Ключевые слова: песня, песенное творчество, народная песня, музыкальное образование, коллективность, преемственность, воспитание, образование.

Keywords: song, songs, a folk song, music education, collectivity, continuity, upbringing, education.

Брокгауз Ф. и Ефрон И. определяют песню, как древнейшую форму народного художественного творчества, представляющим соединением поэзии с музыкой [1. С. 440].

Во всех культурах мира присутствует словесно-музыкальное творчество. Оно представляет культурный феномен и, как, считает Ушаков Д.Н., сопровождается обрядовыми действиями. Являясь неотъемлемой частью культуры, песня транслирует традиции, нравственные устои, национальный колорит, систему ценностей общества. Песенное творчество представляет собой динамичный процесс раскрытия и развития способностей социума. Носителями и творцами песенной культуры в традиционном обществе являются все члены сообщества, квалифицируемые обыденным понятием «простой народ». При поступательном эволюционном развитии общества песня прошлого органически входит в песенную культуру настоящего.

Песня в жизни русского человека традиционно занимала исключительно важное место. В песне закодирована идеология, коллективная память общины. Она рождалась в коллективном труде и в коллективных празднествах. Была частью жизни русского человека и сопровождала его всю жизнь. Были песни мужские и женские; песни парней и девушек; праздничные и скорбные. Песни пелись во время работы, посиделок, в дороге и т.д. Песни были веселые и унылые. Особое место занимали религиозные песни, которые исполнялись на клиросе или во время церковных праздников.

Исследователи XX в. русского семейного быта считают, что песни сопровождали крестьянина всю жизнь и по большей части в коллективном исполнении – на «миру». Протяжными песнями сопровождались многие виды работ – в поле, на сенокосе, в огороде, при сборе грибов и ягод, за рукоделием. Пели на помочах. На заготовках и сплаве леса пели трудовые артельные припевки. При проходах рекрутов звучали песни солдатские, протяжные из мужского репертуара. На свадьбах звучали свадебные песни. К исполнению

песен приобщалась вся молодежь, а слушателями были все жители селения. В периоды постов пели духовные стихи и служебные песнопения, использовавшиеся старшими поколениями. Проводы в последний путь сопровождались религиозными песнопениями и духовными стихами [9. С. 15].

Коллективность русской песни подтверждает Гоголь Н.В., непосредственно наблюдавший жизнь крестьян. В его литературных произведениях присутствуют, по сути, этнографические заметки: «На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые, стройные девки ... взявшись обеими руками за белые руки ... в хороводе или же выходил на них стеной в ряду других парней, и, выходя, также стеной, навстречу им, громко выпевали, усмехаясь, горластые девки: «Бояре, покажите жениха!»... [2. С. 31].

Этнограф XIX в. Терещенко А.В., изучая русскую культуру, посетил многие губернии России. Он отмечал: «Русские люди от природы имеют склонность к музыке и пению. По городам и деревням не бывает веселья без музыки: скрипач, бас и бубны непременно находятся повсюду; играют они по слуху» [12. С. 126]. Его оценка музыкального уровня песен: «...многие из них так трогательны и сердечны, что они восхищают не только простолюдина, но и человека, знакомого с изящными творениями словесности» [12. С. 35]. «Какая сила и простота чувств сохранились во многих наших песнях! Какой в них стройный звук и какая образная выразительность в оборотах и мыслях! Народные песни – это драгоценный памятник нашей самобытной поэзии» [12. С. 25].

Песенное творчество пронизывало все сферы человеческой деятельности, потому не осталась без внимания у иностранцев, посетивших Россию. Но не всем иностранным путешественникам пришла по нраву русская песня. Так, французский маркиз де-Кюстин без знания языка путешествовал по России времен Николая I. В своих заметках он отразил явную нелюбовь к России. Ему не понравились «убогие березки», архитектура Петербурга, поэзия Пушкина А.С. и мн.др. О русской песне он написал: «Печальные тона русской песни

поражают всех иностранцев. Но она не только уныла – она вместе с тем и мелодична и сложна в высшей степени... Русские не умеют восставать против угнетения, но вздыхать и стонать они умеют...» [5. С. 220]. После посещения пары сабантуев, он сделал вывод о русских праздниках и песнях: «Тишина царствует на всех праздниках русских крестьян. ... либо молчат, либо поют хором, то есть, тянут меланхоличную мелодию. Национальные песни русских отличаются грустью и унынием» [5. С. 179]. Находясь в дороге значительную часть путешествия, во всём испытывал неудобства (мороз, колдобины, быстрая езда): «... певучая беседа, которую вел ...кучер со своими лошадьми, звучала похоронно: речитатив без ритма, жалобные звуки, которыми человек поверял свои горести животному.... Хватали за душу и наполняли ее невыразимой грустью [5. С. 184]. «На месте императора я запретил бы подданным не только жаловаться, но петь, так как песня их есть замаскированная жалобы» [5. С. 220].

Песни извозчиков впечатлили и русских литераторов. Например, русский прозаик Радищев А.Н. этнографически зафиксировал: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа» [8. С. 44].

О тех же песнях Пушкин А.С. ценивший и знавший русскую культуру, находясь в близости с деревенской жизнью, талантливо с любовью написал: «...Что-то слышится родное/В долгих песнях ямщика:/То разгулье удалое,/То сердечная тоска... [7. С. 387].

Песенное творчество было коллективным, поскольку к исполнению песен приобщалась все возрастные группы, и передавалось из поколения в поколение. Стойкость наследственной информации связана с социокультурными факторами. Песни узнавались в течение всей жизни от матерей, отцов, бабушек, дедушек, сверстников и т.д., разучивались на гуляньях, на работе. Поскольку

крестьянский уклад жизни многие века оставался почти неизменным (сезонность сельскохозяйственного труда, ремесло, праздники, скорбные обряды, инициация и т.п.), то и песенная тематика поколениями сохранялась.

По мнению специалистов, определяющая роль в музыкальном образовании детей и молодежи играла семья. Бабушки обучали служебному пению и духовным стихам, а родители – всем остальным жанрам. На следующем возрастном этапе светские жанры преобладали (круговые и игровые песни в хороводе и на посиделках, свадебные, трудовые и др.) [9. С. 15].

Сельская учительница XIX в. Резанова Е.И. в ходе изучения этнографического фольклора провела опрос известных своим пением жительниц д. Саломыковой (Обоянский у., Курская губ.). Исследование показало преемственность песенного творчества: Захарова А.А. (37 лет) знала в момент записи 152 песни, ее дочь Захарова Н.А. (13 лет) знала 71 песню (только три из них не совпадали с репертуаром матери); Осетрова А.И. (19 лет) знала 144 песни из репертуара старшей Захаровой А.А. и еще восемь других, Асеева А. (12 лет) все 57 песен, совпадающие с репертуаром предыдущих [9. С. 13].

Детально изучив тексты русских песен XIX в., Терещенко А.В. отметил: «Плясовые, свадебные и протяжные часто сокращаются, дополняются новыми словами или переписываются заново. Замечательно, что по прошествии четверти века самые любимые песни отживают свое; их уже считают старыми и заменяют новыми... Если бы дошли до нас все народные стихотворения даже начала XVII века, то мы, вероятно, получили бы другое направление в области языкознания. Мы знаем, что язык наш сладкозвучен и многообразен; красив, силен и богат... кто любит Отечество, тот любит свой язык» [12. С. 35]. Следует полагать, изменения в пореформенной быстро развивающейся России отразились и на песенном творчестве крестьян XIX в., которое вбирает в себя социальное бытие.

Одна из важнейших функций народных песен – это воспитание молодого поколения. В песенной культуре русского крестьянства имеются песни-обращения к своим старшим авторитетным родственникам (к матушке, бабушке, братцу, сестрице, тете, дяде и т.п.) за наставлением. В песнях дается совет, как правильно вести себя в конкретной ситуации. Например: «Тётушка, тетушка,/Тетка дорогая!/Ты пойдй, поучи,/И горе-то смягчи./.../Скажи мне безо лжи:/Как житии в людях чужих?» [12. С. 187]. Или: «Да что велит ли мне бабушка,/Да мне с поигришам ходити?/Да ты ходи, дочи, веселись,/Да с кем не сойдешься, поклонись,/Да ты по-старому-то поклонись,/Да ты со младым-то пошути,/Да ты от младого прочь пойдй» [6. С. 21–22].

В песнях присутствуют советы старших. В них даётся модель положительного поведения члена социума. Так, в песне-наставлении невесте суть рекомендаций сводится к тому, чтобы девушка в новой семье мужа была толерантной, кроткой, приветливой, сметливой, трудолюбивой, несварливой и т.д. [12. С. 187].

Таким образом, поведенческий императив – нравственные аспекты, ценности, мораль, трудовая культура передавались не через письменный носитель (книги), а через песни, которые исполнялись коллективно и постоянно. Выводилась доминанта нравственного поведения в обществе. Повторяемость песенных наставлений самой молодежью приводила к запоминанию, и воспринимались как руководство к действию. Можно предположить, что воспитательное значение песен способствовало нравственному климату России. В частности, процент разводов в царской России был практически нулевой: 0,4%, против советских – до 52%. Детская беспризорность почти отсутствовала, как и беспризорность стариков. Преступность в несколько раз – ниже европейских стран. Притом, что удельный вес полицейских в России был несравненно ниже Европы. Убийств на бытовой почве почти не было. В народной песне коллективная память консервировала целые сколки деятельности, поведения и мировоззренческие

основы людей прошлых эпох. Отсюда и исходила такая стойкость морально-нравственных ориентиров людей царской России.

Песни являлись источником знаний не только моральных норм, но и знаний исторических. Гносеологическое значение народных песен поражает! В них содержались сведения о реальных исторических событиях с упоминанием деталей географии события, исторических персоналий, количества жертв и иными реальными подробностями. В песнях присутствуют даже личностные характеристики исторических личностей. Особенно полюбившиеся исторические персонажи – убиенный царевич Димитрий, Степан Разин [12]. Очевидно, что крестьяне знали основные вехи истории своей страны через устное песенное творчество, а не через письменный носитель. Думается, что учебный материал урока и учебника не так эффективен для запоминания как повторяемость песен.

Гоголь Н.В. в публицистической статье «О малороссийских песнях» отмечал: «Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, обнажающая всю жизнь народа. ... камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью – ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни Малороссии – все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. ... Песни малороссийские могут вполне называться историческими, потому, что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств [3. С. 98].

Песенное творчество, фиксируя объективную реальность, не подтверждает мифа о безграмотности русского крестьянства. В песнях зачатую упоминается письменная деятельность – как обычная каждодневная деятельность крестьян. Из девичьей песни: «... Да с по белу бархотку,/Да отошлю ли я грамотку,/Да родимому батюшке» [6. С. 21–22]. «На зеленом, на лужку,/Писала тайности дружку/Я писала тайности –/Люби меня до крайности [11. С. 21].

Народные песни дают необычное представление о «тяготах» крестьянской жизни: «Ни у кого нет столько горя, как теперь у меня:/Мать родила, – не женила – /Холостым гуляю я» [10. С. 8]. «Лишь одна кручина злая/Сердце в счастье тяготила,/Что Русь добрая, Святая/Без царя – отца грустит» [4. С. 6]. «Наши девки сладкоежки/ – Они любят колбасу./Я догадливый мальчишка,/За всегда с собой её ношу [11. С. 16]. «Здесь деревня, здесь деревня,/Здесь обычай наш простой!/Здесь деревня, здесь деревня/Мы все рады всей душой» [4. С. 3]. Можно предположить, что нищета, голод, угнетение, порабощение нашли бы своё место в песенном творчестве крестьян.

Судя по собранным материалам этнографами XIX века, основными темами песен были любовь (песни парней о милой, девушек о молодцах и милом); о родителях; восхищение природой, деревней; проводы, расставания (причем в разлуке пишут друг другу письма). Пожалуй, нет темы, сферы деятельности, которую не отразил бы русский песенный фольклор. Есть песни даже об убранстве домов и как складывать сундук для невесты [12]. В песнях доминирует светлое мирное настроение, всего вдоволь (природных просторов, родственников, еды). Присутствует философско-религиозное понимание «Все Бог дал» (но для этого и потрудиться нужно).

Народная песня – чрезвычайно важный элемент национальной культуры. Свобода творчества, мышления, реализации – необходимые условия для развития песенного творчества. По всей видимости, великолепие и разнообразие русской народной песни свидетельствует о достаточно высоком уровне духовного и материального развития русского народа в многовековой ретроспективе.

Список литературы и источников

1. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. – М., 2003.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души//Собрание сочинений в 8 тт. – Т.2. – М., 1984.

3. *Гоголь Н.В.* О малороссийских песнях//Собрание сочинений в 8 тт. – Т.7. – М., 1984.
4. Деревенская песня. – СПб, 1828.
5. *Маркиз де-Кюстин.* Николаевская Россия. – М., 1990.
6. *Максимов С.В.* Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемерово, 1991.
7. *Пушкин А.С.* Зимняя дорога//Сочинения в 3 тт. – Т.1. – М., 1985.
8. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. – М., 1962.
9. Русские: семейный и общественный быт. Ред. М.М. Громько, Т.А. Листова. – М., 1989.
10. *Симаков В.И.* Деревенские песни. Частушки. Песни молодцев.– СПб., 1912.
11. *Симаков В.И.* Сборники, собранные Симаковым В.И. Деревенские песни. Частушки. Архангельской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской губерний. – Вып. 9. – СПб., 1912.
12. *Терещенко А.В.* История культуры русского народа. – М., 2006.

